

ТЕАТР КАК «ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ» КАЗАНИ 1840-Х ГГ.

(К 185-летию со дня рождения
Л. Н. Толстого)

Осенью 1841 г. гостеприимное казанское общество приняло в свои ряды внуков покойного губернатора И. А. Толстого*: оставшиеся сиротами после смерти родителей, они были взяты на воспитание теткой, дочерью Ильи Андреевича и сестрой Николая Ильича, Пелагеей Ильиничной Толстой, вышедшей замуж за казанского помещика В. И. Юшкова. Старшему из приехавших — Николаю было уже 18 лет, младшей — Марии — 11. Не самые богатые по своему имущественному положению, они, тем не менее, принадлежали к одному из древних и славных дворянских родов, находились в родственной связи со многими старинными княжескими фамилиями и потому принимались в самых знатных и богатых дворянских домах.

Казанское светское общество того времени, состоявшее преимущественно из более или менее обеспеченных помещичьих семей, значительную часть времени отводило развлечениям. «Конец октября, как правило, открыва-

ет зимний сезон. Все помещики покидают свои поместья, собираются в Казани, и начинается вихрь удовольствий, который захватывает весь свет... Костюмированные балы, общественные и семейные вечера, завтраки с танцами, рауты, обеды, катания на санях, концерты и спектакли сменяют друг друга с необычайной быстротой», — свидетельствует один из современников, преподаватель английского языка в Казанском университете Эдвард Турнерелли¹. Среди этих развлечений весьма важное место занимал театр.

Казанский театр, организованный и открытый как публичный театр в 1791 г. стараниями губернатора князя С. М. Баратаева и руководимый петербургским актером В. Р. Бобровским, переживал трудную пору своего становления. Закрывшись в 1796 г. в связи со смертью Екатерины II, зимой 1802-1803 г. он возобновил свою деятельность уже как частный театр помещика П. П. Есипова. После разорения и смерти П. П. Есипова в 1814 г. труппа разбелась, а здание театра продали на слом игуменье Казанского Богородицкого монастыря. В 1820-е гг. в Казани работало

* Толстой Илья Андреевич (1757-1820) — дед писателя Льва Николаевича Толстого. В 1815-1820 гг. — Казанский губернатор.

поочередно несколько заезжих трупп. Наконец, в 1833 г. здесь обосновалась труппа П. А. Соколова, для которой на Театральной площади, на месте будущего Державинского сада, было построено деревянное здание, не очень презентабельное с виду, но отвечавшее всем необходимым требованиям.

Уступая по некоторым своим качествам театру Есипова, театр Соколова пользовался, тем не менее, определенным успехом у казанского зрителя, особенно во время приезда гастролеров. Осенью 1833 г. на его сцене выступал прославленный П. С. Мочалов, а начиная с 1836 г. четырежды приезжал на гастроли М. С. Щепкин вместе с дочерью. Как замечает тот же Турнерелли, цены на спектакли с участием Щепкиных «возросли вдвое, а на бенефисный спектакль — втрое, однако пыла казанцев это ничуть не охладило. Зал был полон, и у Щепкина были все основания быть довольным своим пребыванием в Казани. Его дочь имела головокружительный успех»². Толстым, однако же, в этом смысле не повезло. Последние гастроли Щепкина в Казани прошли в апреле 1841 г., так что Щепкиных Толстым увидеть не удалось.

Любовь к сценическому искусству, к театральному олицетворению развивалась у Л. Толстого еще с отроческих лет. С. А. Толстая* со слов тетюшек Льва Николаевича передавала А. А. Стаховичу** семейное предание о том, что губернатор Толстого Сен-Жером***, страстный поклонник Мольера, «рано познакомил своего воспитанника с его комедиями» и так увлек ими юношу, что тот стал мыслить мольеровскими образами и носиться со всевозможными театральными планами. «Это наш маленький Мольер», — говаривал Сен-Жером П. И. Юшковой³.

* Толстая Софья Андреевна (1844-1919) — супруга Льва Николаевича Толстого.

** Стахович Александр Александрович (1830-1913) — орловский помещик и коннозаводчик, земский деятель, меценат, любитель драматического искусства и литературы. С Л. Н. Толстым был знаком со второй половины 1950-х гг.

*** В семье Толстых часто отождествляли героев произведений Л. Н. Толстого с их реальными прототипами. Сен-Жером — литературный персонаж из трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность». Реального губернатора в доме Толстых звали Проспер Сен-Тома.

Жизнь в Казани дала Толстому впервые возможность утолить жажду театральных зрелищ. «Он часто бывал в городском казанском театре...», — писал Н. Арденс в статье «Театральные соблазны Льва Толстого»⁴. Высказанное автором статьи предположение, что именно в Казани Лев Толстой впервые получил возможность «утолить жажду театральных зрелищ», имеет некоторые основания. Если принять во внимание, что первое посещение Львом Толстым театра состоялось в девятилетнем возрасте и не оставило ничего, кроме смутных детских ощущений, то можно согласиться с автором статьи в том смысле, что именно в Казани Толстой получил первое осмысленное представление о театре и театральном искусстве.

Так что же представлял из себя казанский театр в тот период времени, когда здесь проживали Толстые и когда Лев Николаевич утолял здесь не только жажду театральных зрелищ, но и сам принимал активное участие в их организации, участвуя в любительских, «благородных» спектаклях и представлениях?

Зимой 1841/1842 г. в Казани, как уже отмечалось, продолжал свою деятельность театр под руководством П. А. Соколова. «Нынешняя казанская труппа принадлежала к числу странствующих», — писал в своей корреспонденции в журнале «Пантеон русского и всех европейских театров» казанский историк и этнограф К. А. Данненберг. «В 1833 году она утвердилась в Казани и, при поощрении тамошнего г[осподина] военного губернатора, а в недавнем времени при пособии городской управы, она приметно улучшается. Содержатель ее, Соколов, человек предприимчивый, сначала заботился о своих выгодах, но впоследствии, сбывая с рук плохих, он начал приглашать лучших актеров, выписывать из Москвы изрядных декораторов и машинистов и рачительно обзаводиться костюмами. В последние два года посещал казанскую сцену г[осподин] Щепкин, сначала один, потом с дочерью. Неподржаемая игра его заметно действова-

ла на наших актеров. При нем представления шли гораздо лучше...»⁵ Но 24 августа 1842 г., когда труппа Соколова гастролировала в Перми, в Казани произошел пожар, бушевавший в течение суток, «жертвой огня сделались 1 309 домов и 9 церквей. Потери были громадные»⁶. Лев Толстой писал своей тетке Т. А. Ёргольской: «Дорогая тетенька. Вот мы и снова в Казани, которая в весьма жалком виде.

Дом Власьева на ул. Большая Красная.

Что касается зданий, огнем уничтожено все, что было красивого»⁷. Сгорело и здание театра. Труппа Соколова, лишившись пристанища, решила в Казань не возвращаться и спустя некоторое время осела в Екатеринбурге. Казань оставалась без театра вплоть до 1844 г. Шок от происшедшего бедствия был настолько глубок, что казанцам было не до развлечений.

В начале февраля 1844 г. в Казань прибыла из Уфы труппа Михайлова. Она «забавляла только низший класс зрителей; так можно судить, по крайней мере, по выбору иггранных пьес, большей частью весьма старых», — сообщало «Прибавление к “Казанским губернским ведомостям”» 14 февраля 1844 г. Несмотря на то, что труппа эта располагалась поблизости от усадьбы Горталова, где жили Толстые, вряд ли они посещали спектакли этого театра.

Наконец, 19 мая 1844 г. в доме Власьева на Большой Красной улице обосновалась труппа Е. Ф. Стрелкова, перебравшаяся сюда из Самары. Дворянский особняк был приспособлен для театральных представлений. «В нем есть все, чему быть должно: есть и ложи, и бенуар, и парадис и даже балкон... Притом все так чистенько и светло, и не глухо. Одним словом, театр хоть куда...»⁸ Корреспондент столичного «Пантео-

на» представляет интерьер театра более подробно: «вы входите в залу и вам не кидается в глаза роскошь убранства, но зато все так просто, так мило... Правда, что много есть и неудобства: ложи нужно было бы устроить совсем иначе, средние ложи и раёк уж чересчур много выдвинуты вперед, так что все места за креслами находятся под ложами и в них очень мало слышно. Далее, маленький коридор между средними ложами и стеной не хотели оставить без пользы, вот и поставили там скамейки, назвали это балконом, назначили цену 1 руб. серебром, а там ничего не видно и не слышно... Этой дурно рассчитанной планировкой и бесполезным стеснением залы, и без того небольшой, испортили и самый резонанс, актерам трудно говорить так, чтобы их все слышали. Что касается до сцены, то она очень узка и притом же еще всегда загромождена мебелью...»⁹ Очевидно, что антрепренер стремился выжать максимум из того помещения, которое он арендовал, сообразуясь со своими возможностями.

Теми же интересами продиктованы были и цены. С 24 мая была введена абонементная система продажи билетов. Абонемент был установлен на 30 спектаклей по ценам: за ложу 90 руб., за бенуар — 68, за кресло — 30 руб. серебром. Места неудобные стоили много

дешевле: за креслами — 75 коп., в райке, на балконе — 30 коп. серебром. Для сравнения укажем, что, к примеру, пуд муки первого сорта весной 1844 г. продавали по 1 руб. 80 коп., а всего за 20 коп. можно было купить целый пуд печеного ситного хлеба. Население Казани в 1844 г. составляло около 50 тыс. человек, из которых на долю дворянства, духовенства и купечества — потенциальных зрителей театра — приходилось всего пять с половиной тысяч¹⁰.

В труппе Е. Ф. Стрелкова состояло 13 человек актеров и 9 человек оркестрантов. Оркестром руководил капельмейстер Новиков, «который музыку знает изрядно и даже для некоторых водевилей партии составляет сам», — замечал корреспондент «Пантеона». И все же музыка, исполняемая в представлениях, казанцев не удовлетворяла. «Должно заметить, что куплеты в водевилях очень однообразны... В антрактах играют допотопные пьесы»¹¹. Между тем, театральные оркестры в этот период времени играли весьма важную роль в музыкальном образовании и воспитании казанцев, поскольку, исключая гарнизонный духовой, другого профессионального оркестра в Казани не было.

Среди актеров труппы, заслуживающих внимания, автор цитируемой статьи называет Борисоглебского, работавшего, очевидно, прежде в труппе П. А. Соколова, и приехавших из Москвы И. Е. Турчанинова и Ф. В. Бурдина. И. А. Крути называет их «посредственными актерами, посланными от Московского театра на два года для практики»¹². Для характеристики труппы И. А. Крути приводит два высказывания петербургских актеров, гастролировавших в Казани в труппе Стрелкова, — А. Е. Смирнова и А. Е. Мартынова. «Театр хорошенький, сцена тоже; про труппу история умалчивает, потому что дрянь дрянью погоняет, исключая весьма, весьма немногих и даже никого»¹³, — писал Смирнов. Не менее резко отозвался о труппе и Мартынов: «Всех их счетом шесть женщин и восемь мужчин. Из женщин одна Новикова имеет человеческую физионо-

мию, а прочие харя на харе»¹⁴. Но надо учесть, что мнение актеров, тем более столичных, об игре своих «товарищей по несчастью» всегда крайне субъективно, хотя доля истины в этих высказываниях, надо полагать, была. Более справедливым кажется мнение корреспондента «Пантеона». Охарактеризовав в довольно корректной форме каждого из актеров труппы, он заключает: «труппа г[осподи]на Стрелкова — бедна, очень бедна. Вообще, о всех актерах можно заметить одно, что поют они нехорошо; сформированы все, как следует, но будь у них другой содержатель, тогда было бы дело другое. Он, не понимая ничего, раздает роли как попало; ему все равно, лишь бы актер играл данную роль... Водевили иногда дают дурные, скучные. Публика съедется и спит. Нет, г[осподи]н Стрелков, если вы хотите, чтобы вас постоянно посещали, то исправьте немного самый театр, увеличьте круг вашей труппы, главное, актрис-то, актрис-то побольше; тогда у вас пьесы будут даваться разнообразнее. Да цените хороших актеров — дайте им лучшие роли»¹⁵.

Стрелков по примеру своего предшественника прибегал к испытанному средству провинциальных антрепренеров: приглашал на гастроли столичных актеров. Летом 1844 г. в Казань приезжает московская знаменитость В. И. Живокини, весной 1845 г. — петербуржцы А. Е. Мартынов и А. Е. Смирнов. Интересно отметить, что гастроли Живокини не нашли никакого отражения на страницах местной печати, в то время как о гастролях Мартынова и Смирнова, восхитившего казанцев исполнением только что вошедшего в моду танца «польки», «Казанские губернские ведомости» сообщали регулярно, благодарно вспоминая о них и в следующем сезоне¹⁶.

Казанская критика была достаточно хорошо осведомлена о премудростях театрального искусства. Высоко оценив выступление Живокини в роли Льва Гурыча Синичкина в одноименном водевиле Д. Т. Ленского, казанский рецензент «Репертуара и пантеона» резко отрицательно отнесся к

А. Е. Мартынов.

выступлению его в других ролях, отметив, что артист «иногда делал такие фарсы, часто очень к пиесе прибавлял такие каламбуры и остроты, которые могли нравиться только одному райку... Тем же, которые всегда принимали его за истинного артиста, райковые фарсы были неприятны»¹⁷. Ориентация Живокини на демократическую публику казанскому светскому обществу решительно не понравилась. Гастроли Мартынова с этой точки зрения прошли безупречно. Верный ученик М. С. Щепкина, Мартынов не позволял себе никаких манипуляций с оригинальными текстами, стараясь иногда наполнить и примитивный текст глубоким жизненным содержанием. Выступление же его в ролях Гарпагона в «Скупом», Жеронта в «Плутнях Скапена» Мольера, наконец, Хлестакова в «Ревизоре» Н. В. Гоголя стали событием в театральной жизни Казани. «Все им было выдержано прекрасно», — сообщал журнал «Пантеон» в девятой книжке за 1845 г. Видел ли студент Ка-

занского университета Лев Толстой все спектакли с участием Мартынова, сказать трудно за отсутствием прямых свидетельств, но предположить вполне можно, поскольку именно в это время он принимал активное участие в светской жизни, а казанское общество усердно заполняло театральный зал всякий раз, когда выступал Мартынов. Во всяком случае об исполнении Мартыновым роли Хлестакова во время казанских гастролей Лев Толстой вспоминал с восхищением спустя многие годы.

Репертуар труппы Стрелкова складывался преимущественно из водевилей как русских, так и переделок с немецкого и французского: «Приключение на искусственных водах» П. А. Каратыгина, «Что имеем — не храним, потерявши, плачем» С. П. Соловьёва, «Братья-купцы» П. Г. Ободовского, «В людях ангел — не жена, дома с мужем — сатана» Д. Т. Ленского, «Титулярные советники в домашнем быту» Ф. А. Кони и т. п. Ставились и произведения местных авторов, в частности А. А. Фукс, о чем сообщали «Казанские губернские ведомости»¹⁸. Во время гастролей столичных артистов чаще играли Мольера и Шиллера, Фонвизина и Княжнина, Гоголя и даже Шекспира. Во время гастролей александринцев С. Л. Марковецкого и А. П. Славина в 1848 г. казанцы могли видеть «Гамлета», «Отелло», популярную пьесу А. Дюма «Кин, или Гений и беспутство». Была поставлена пьеса А. П. Славина «Гаврила Иванович Михляев, казанский купец и фабрикант».

Приезд гастролеров положительно сказывался на игре казанских актеров: они мобилизовывались, стремясь перед лицом столичных мастеров не потерять собственного достоинства. И театр в такие приезды, как правило, выполнялся до отказа. С отъездом же гастролеров публика заметно редела, что отражалось на театральной кассе.

Отдельные представители казанской общественности пытались поддерживать театр, понимая его значимость. «Конечно, многие говорят, что театр наш плох — почему же?.. — задавался вопросом некто Н. Л. на стра-

ницах «Казанских губернских ведомостей». — Бедны костюмы, нехороши декорации, актеры не понимают своих ролей, дурна музыка?.. Допустим, что все это так: но кто же во всем виноват, как не мы — достопочтенная и строгая г[оспо]жа Публика?.. С чего же мы берем, что антрепренер провинциального театра, имея в представление сбора уж никак не более 500 руб. асс[игнациями], обязан делать обстановки пьес в 1 000. Не забудем при этом, что ему надо платить актерам жалование, надо самому жить...»¹⁹ Однако призывы эти не нашли отклика. В 1851 г., окончательно разорившись и отчаявшись, Стрелков покинул Казань.

На сороковые годы приходится и сооружение в Казани каменного здания городского театра. Казанский губернатор С. П. Шипов, воспользовавшись тем, что правительство распоряжением императора Николая I выделило на восстановление сгоревшей Казани миллион рублей, выхлопотал позволение часть денег потратить на сооружение театра, мотивируя свою просьбу общественной полезностью этого учреждения, возможностью его влиять на умонастроение публики и тем, в частности, что «существование здесь театра, устроенного на прочных на-

чалах под руководством правительства было бы существенно полезно»²⁰. 14 сентября 1845 г. «в присутствии значительнейших военных и гражданских чиновников» на месте сгоревшего здания манежа, или экзерцисхауса, на площади был заложен первый камень будущего здания. Достраивать театр пришлось уже другому губернатору, И. А. Боратынскому, брату известного поэта. В декабре 1849 г. театр был представлен казанскому обществу, и было объявлено о сдаче помещения в аренду желающим антрепренерам.

Казанский театр 1840-х гг. поддерживал интерес общества к театральному искусству, о чем свидетельствовала организация так называемых «благородных спектаклей» и «живых картин», в которых участвовали представители казанской знати. Театральные представления, особенно с участием мастеров столичной сцены, способствовали формированию той театральной культуры, которая сделала Казань в последующие годы одним из крупнейших театральных центров России. Н. П. Загоскин, характеризуя казанскую жизнь того времени, имел полное основание заявить, что «театр представлял... не последний фактор общественной жизни старой Казани»²¹.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Турнерелли Э. Казань и ее жители. — Казань, 2005. — С. 238.
2. Там же. — С. 244-245.
3. Арденс Н. Театральные соблазны Льва Толстого // Театр и драматургия. — 1935. — № 11. — С. 12.
4. Там же.
5. Данненберг К. Казанский театр // Пантеон русского и всех европейских театров. — 1840. — № 7. — С. 103-104.
6. Загоскин Н. П. Очерки города Казани и казанской жизни в 40-х годах. — Казань, 2003. — С. 15.
7. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. — М., 1984. — Т. 18. — С. 305.
8. Прибавление к «Казанским губернским ведомостям». — 1844. — № 23.
9. Репертуар и пантеон. — 1844. — Кн. 7. — С. 32.
10. Казанские губернские ведомости. — 1844. — № 23.
11. Репертуар и пантеон. — 1844. — Кн. 7. — С. 32.
12. Крути И. Русский театр в Казани. — М., 1958. — С. 80.
13. Там же. — С. 78.
14. Там же.
15. Репертуар и пантеон. — 1844. — Кн. 7. — С. 32.
16. Казанские губернские ведомости. (Неофициальная часть). — 1845. — № 20, 22, 24, 51.
17. Крути И. Указ. соч. — С. 82.
18. Казанские губернские ведомости. — 1845. — № 2.
19. Казанские губернские ведомости. (Неофициальная часть). — 1845. — № 51.
20. НА РТ, ф. 1, оп. 2, д. 364, л. 3.
21. Загоскин Н. П. Указ. соч. — С. 124.

Иллюстрации предоставлены автором статьи.

Юрий Благов

